

УДК 930

И.Н. Стась

Социокультурная антропология городов Югры: опыт современной историографии¹

Аннотация. В статье анализируются основные достижения социокультурной антропологии в истории городов ХМАО – Югры в период нефтегазового освоения Западной Сибири. Автор кратко дает характеристику современного состояния антропологии города как нового направления в социально-гуманитарной науке. Указывается, что сегодня отечественная урбанистика получает сильное концептуально-методологическое обоснование антропологического подхода к изучению проблем городского развития. Автор акцентирует, что гуманитариям еще предстоит подробно реконструировать антропологию урбанизации и нефтегазового освоения Западной Сибири.

Ключевые слова: антропология города, социокультурная антропология, нефтегазовое освоение Западной Сибири, идентичность, урбанизация.

I.N. Stas

Sociocultural anthropology cities of Ugra: the experience of modern historiography

Abstract. The article examines the main achievements of social and cultural anthropology in the history of the cities of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra in the period of oil and gas development in Western Siberia. The author briefly characterizes the current state of the anthropology of the city as a new direction in humanities and social science. Indicates that today's domestic urban studies receives strong conceptual and methodological substantiation of the anthropological approach to the study of problems of urban development. The author emphasizes that the humanities have yet to reconstruct in detail the anthropology of urbanization and oil and gas development in Western Siberia.

Keywords: anthropology of the city, socio-cultural anthropology, oil and gas development in Western Siberia, identity, urbanization.

Современная антропология города сформировалась в рамках социокультурной антропологии и этнологии после постмодернистского переворота в социально-гуманитарных науках в 1960 – 1970-х гг. Тогда изменилось понимание объекта исследования: если раньше антропологи и этнологи преимущественно изучали народы и регионы, то теперь в сфере их внимания оказались сложные современные общества, к которым стала применяться методика полевых этнографических исследований. Так город вошел в исследовательское поле антропологов и этнологов.

В отечественной науке исследования по антропологии города начали разрабатываться лишь в постсоветское время. Эти работы посвящались конкретным городам и в большей степени обладали социологической и экономической направленностью, в меньшей степени – историко-этнологической и культурологической. Это была скорее социология города, чем антропология города. Более того, исследования характеризовались узким регионоведческим, а иногда даже и краеведческим подходом, в то время как современная зарубежная урбанистика зиждилась на системном и контекстуальном принципах.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15–11–86001, тип проекта: “а(р)”).

Лишь сегодня отечественная урбанистика получает сильное концептуально-методологическое обоснование антропологического подхода к изучению проблем городского развития. Работы в этом направлении активно ведет Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Под руководством директора института академика В.А. Тишкова проводятся полевые исследования российских городов, результатом которых стал выход в свет фундаментальных трудов по антропологии города [1; 2]. Появляются удачные исследования по урбанистической антропологии в региональных научных центрах [3; 4]. Однако проводимых исследований явно недостаточно для раскрытия полной ретроспективной и современной социокультурной картины урбанизационных процессов в России и ее регионах. Необходима кооперация и концентрация усилий местных ученых – антропологов, историков, этнологов и социологов.

Современные условия формирования отечественной антропологии города как нового направления в социально-гуманитарных науках требуют анализа историографического опыта различных (в первую очередь регионального уровня) проблем российской урбанизации. Одной из таких проблем, обладающей большим антропологическим потенциалом для исследователей, является урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в контексте нефтегазового освоения Западной Сибири.

Урбанизация ХМАО – Югры не получила отражения в отечественной науке вплоть до конца 1980-х гг. Работы советского периода, в которых изучались города нефтяного края, в основном принадлежали градостроителям и архитекторам (В.В. Кадников, Э.А. Миленина, В.М. Фурен, Э.Я. Фейгина, М.Р. Колпакова, В.Г. Терехин, А.А. Зюзин-Зинченко, В.И. Смирнов и др.). Немного затрагивали проблемы развития городов ХМАО – Югры в своих трудах географы (К.Н. Мисевич, В.И. Чуднова, Е.Н. Перцик), экономисты (Б.П. Орлов,

В.И. Харитонова, А.Д. Хайтун, А.Н. Зайцева), социологи (А.Н. Аверин, Е.П. Антропов), историки (Н.М. Пашков, В.В. Алексеев, В.А. Ламин). Однако в основе большинства работ исследователей лежал ярко выраженный экономический и производственный детерминизм, в координатах которого не уделялось место обыкновенному человеку. Но были и исключения. В советской историографии первостепенное значение для антропологии нефтегазового города Западной Сибири имели работы философа В.В. Трушкова и социолога Г.Ф. Куцева.

В.В. Трушков изучал нефтяные города Югры и пытался раскрыть присутствующий в них образ жизни с философо-социологических позиций. Его интерпретация урбанизации Севера Тюменской области представлялась весьма оригинальной, хотя и она подчинялась марксистской идеологии и аксиоме, что в социалистическом обществе при урбанизации происходило стирание различий между городом и деревней: «отношения города и деревни к системе культурных ценностей носят неантагонистический характер, что позволяет говорить о формировании единой культуры советского народа» [5, 45]. В.В. Трушков отмечал, что урбанизация автономных округов Тюменской области усилила взаимодействие образов жизни коренного населения Приобья с образом жизни больших наций, а городской образ жизни играл в этом взаимодействии ведущую роль. Он предполагал, что города Севера Тюменской области были проводниками городского образа жизни среди коренного населения региона, а ценности горожан Приобья неизбежно становились нормами деятельности и аборигенного северного населения [6, 38-41].

В.В. Трушков считал, что высокие темпы урбанизации Среднего Приобья были связаны со спецификой освоения, поскольку возможность взаимодействия человека со средой, основанной на добыче нефти и газа, делала город единственно приемлемым типом поселения. Даже создание вахтовых поселков, согласно ученому, было частью урбанизации: вахтовый поселок рассма-

тривался как своеобразное продолжение базового города, как его агломерированная периферия. Вахтовый поселок виделся как один из возможных путей разрешения противоречия между городским характером технологий трудовой деятельности и нормами деревенской жизни [7, 18-19]. По мнению В.В. Трушкова, на Севере Тюменской области надо было вести речь не об отдельных городах или поселках, а об их системе – своеобразном среднеобском городском суперрегионе [8, 246].

Философ указывал, что города Тюмень, Сургут, Нижневартовск, Надым, Нефтеюганск, Урай выполняли «привязку» существующих технологий к условиям нефтяного Среднего Приобья и газоносного Полярного круга. Города выступали аккумулятором, своеобразным «контейнером», выработанной в стране культуры геологии, нефтегазодобычи, транспортировки топлива, строительства жилья и промышленных объектов в экстремальных условиях. Они также осуществляли связь духовной жизни примыкающего к ним региона с духовной жизнью более крупных социально-пространственных образований. В.В. Трушков отмечал, что роль различных городов в формировании функционирования этих связей определялась статусом города в системе центров культуры: если Тюмень была связующим звеном между культурой области и РСФСР, страны в целом, то Сургут и Нижневартовск аккумулировали совокупность способов деятельности применительно к Среднему Приобью. Города нефтяного края, согласно В.В. Трушкову, имели еще три функции: 1) вели отбор созданных в обществе норм и ценностей, после которого осуществлялось ознакомление с ними населения прилегающих территорий; 2) участвовали в создании и совершенствовании технологического и инструментального аспектов культуры; 3) осуществляли оценку нововведений в культуру геологии, добычи нефти и газа, их транспортировки, и на основе этой оценки шел процесс распространения создаваемой материальной культуры как в рамках

всей Западной Сибири, так и за ее пределами [9, 82]. Таким образом, В.В. Трушков рассматривал города главным образом как центры материальной и духовной культуры осваиваемого региона.

Новаторское значение также имели работы Г.Ф. Куцева [10; 11; 12]. Социолог понимал урбанизационные процессы в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири в первую очередь как социалистическую урбанизацию. Продвижение на север, по мнению Г.Ф. Куцева, в современных условиях происходило только с применением урбанизированных форм организации производственной и социально-бытовой жизни населения. Позиция ученого состояла в том, что «практически любые поселки – постоянные или временные – это урбанизированные поселения». Опираясь на тезисы В.В. Трушкова, Г.Ф. Куцев отмечал, что основные виды производственной деятельности северян, за исключением традиционных промыслов, объективно требовали высокоурбанизированного образа жизни, а, следовательно, и городских форм организации осваиваемого пространства вне зависимости от величины поселений: «с самого начала освоения люди ведут урбанизированный, городской образ жизни». Таким образом, концептуальный подход Г.Ф. Куцева связывался с тем, что «экстремальным природно-климатическим условиям Севера соответствует урбанизированная организация жизни людей», и чем дальше процесс освоения уходил на север, тем больший уровень урбанизации проявлялся [12, 72, 74-75]. Представляется, что, следуя этой логике, процесс освоения нефтегазоносных районов ХМАО неизбежно вел к урбанизации региона.

Ученому явно импонировал процесс освоения северных территорий посредством строительства новых городов. Г.Ф. Куцев делал вывод, что условия жизни на Севере выступали фильтром, отсеивающим неприспособленных людей, в силу чего в городах формировалось население, отклонившее психологию «временщиков», с адаптированными к северу социальными качествами,

из которых создавался квалифицированный кадровый потенциал региона. Исследования Г.Ф. Куцева показывали механизмы адаптации мигрантов в городах Севера, итогом которой являлось формирование у новоселов своеобразного северного патриотизма. В трудах социолога утверждалось, что в новых городах Сибири, как правило, складывались благоприятные условия для творческой профессионально-трудовой, общественно-политической и культурной деятельности новоселов, достигался высокий уровень социально-бытового и культурного обслуживания населения.

Сброс идеологических оков в постсоветской науке привел к тому, что социологи принялись активно изучать социальную и культурную среду, образ жизни в городах нефтегазового комплекса Западной Сибири. Исследователи пришли к интересным выводам. Обозначим наиболее важные для историко-антропологического исследования: 1) культурная среда молодых городов нефтяников относилась к современной урбанистической среде, что было не типично для обычных провинциальных городов; 2) малые молодые города нефтегазового комплекса имели две перспективы развития – либо превратиться в «мертвые города», либо стать субъектами постиндустриальной экономики [13]; 3) наличие огромного влияния со стороны градообразующего предприятия на развитие малых городов ХМАО [14]; 4) существование значительного риска неблагоприятных последствий при сокращении нефтедобычи для крупного нефтяного города ХМАО, но при этом доминирование в сознании городского населения стратегии благоприятного развития, которое связывалось с многофункциональностью и модернизацией моноспециализированной модели; 5) преобладание среди жителей крупного города идентификации своего города как «города-труженика» и в меньшей степени как «города-рынка» и «города-социума»; 6) крупный город округа (например, Нижневартовск) имел промежуточный

характер социального развития, но в нем быстро увеличивался потенциал для успешного роста, что вело к полифункциональному (многопрофильному) развитию и смене традиционных форм занятости горожан на более многообразные, что также углубляло противоречие между социальными перспективами крупного города и наследием его монопрофильного прошлого [15].

Культурное развитие нефтяных городов ХМАО изучалось социологом Л.Г. Скульмовской [16]. Она пришла к выводу, что потенциал региональной культуры характеризовался значительной неравномерностью по социальным и территориальным параметрам, приводящей к возникновению различных и разнонаправленных культурных потоков – в культурном пространстве округа выделялся «центр» и «периферия». Разнонаправленность функционирования в культуре производства, быта, досуга жителей городов и сел ХМАО фиксировалась, с одной стороны, в бурных темпах развития производственной культуры, а с другой – в крайне противоречивых и медленных изменениях досуговой сферы.

Оригинальным и многоаспектным являлся труд социолога Е.А. Волосниковой, в котором, на примере Сургута, была показана эволюция и жизнедеятельность социальных общностей в северном городе [17]. В логике исследования интенсивное промышленное освоение нефтегазодобывающих районов Западной Сибири имело решающее влияние на формирование социальных общностей, типология которых определялась профессиональными и социальными общностями. Первые обуславливались индустриальным освоением и деятельностью крупных корпораций (нефтяники, газовики, геологи, строители, энергетики), а вторые формировались посредством национально-этнических общностей и ближайших родственников тех, кто создавал город (прежде всего женами, которые приезжали на Север вслед за мужьями). В постсоветский период в Сургуте стали возникать новые социальные общно-

сти – студентов (появилась благодаря созданию вузов), пенсионеров (пополнявшиеся в основном из бывших комсомольцев-первопроходцев), патриотов города (для них Сургут из места временного проживания стал местом постоянного жительства), творческие общности (из-за остаточного характера становления социальной сферы в городах региона они утвердились в новом качестве лишь в современный период).

Согласно Е.А. Волосниковой, жизнедеятельность общностей Сургута происходила в различных условиях: экономических, социальных, культурных, градостроительных. Среди всех выделенных условий, наибольшую значимость для историка представляет авторский тезис о том, что богатая история Сургута не стала основой для формирования новой культурной жизни города. Такую функцию не получила не только древняя история города, во многом утраченная в период промышленного освоения, но и «индустриальная история города», которая обладая огромной символической ценностью, способствующей единению социальных общностей вокруг истории города, не нашла отражение в городской среде в виде памятника. Это важная мысль, высказанная исследовательницей, подтверждает гипотезу о том, что в Сургуте не сложилась взаимосвязь между городской элитой и историческим нарративом города, а среди большинства горожан не нашла проявления общегородская идентификация по критерию общегородской истории.

Е.А. Волосникова проследила пространственно-временную организацию жизнедеятельности общностей в Сургуте. Пространственная структура города формировалась под влиянием ряда характеристик «северности». Во-первых, этообразие жилой застройки, поскольку город строился из массового низкокласного жилья, предназначавшегося для продолжительного (10-20 лет), но не постоянного проживания населения, так как город имел статус временного. Эта особенность обуславливала восприятие города соци-

альными общностями как места временного проживания, определяла на протяжении многих лет стратегии их поведения. Исследовательница указывает также на отсутствие в городе «исторических мест» (по причине массового жилищного строительства) и еще несформировавшихся мест, связанных с новейшей историей города. И как уже отмечалось, без исторической среды в Сургуте не сложилось пространственное условие образования общегородской идентичности. Для Сургута была характерна фрагментарность пространства и многоядерная структура. «Северность» также проявилась в отсталости социальной инфраструктуры, что ограничивало возможности для развития имеющихся социальных общностей и формирования новых. Утверждение, что в Сургуте практически невозможно было обозначить территории, которые соотносятся с представителями городских элит, дало автору повод говорить о том, что в городе отсутствовал диалог между городскими социальными общностями в процессе присвоения физического пространства.

Обозначим наиболее интересные выводы автора при исследовании социального времени. Социальное время общностей Сургута определялось в большой степени зависимостью от природно-климатических условий. Зимой происходило замирание городской жизни по причине холодов, весной и осенью – наступало оживление, а летом вновь снижение интенсивности из-за периода отпусков. Популярное садово-огородническое движение и начало дачного сезона приводили к тому, что социальные общности, сформированные из пенсионеров, переезжали жить на дачи. На социальное время сильно влияли корпорации, которые не только в будние дни, но и в выходные дни и праздники задавали время деятельности в городе. Свободное же время не использовалось горожанами для проявления гражданской позиции, по большому счету оно расходовалось для себя, а не на благо города. Е.А. Волосникова отмечала, что профессиональные общно-

сти нефтяников, строителей, газовиков и энергетиков в Сургуте прошли более длительный период становления (в отличие от профессиональных общностей в социальной сфере) и поэтому обладали устойчивостью, сложившимися традициями, сформированным общностным сознанием и отношением к городу как месту с историей. По-видимому, автор считал, что только эти профессиональные общности имели общегородскую самоидентификацию, основанную на городской истории. В то же время именно они вызывали у части молодых социальных общностей пессимизм и неверие в возможность позитивных преобразований социальных порядков и создания нового облика города.

При всех плюсах, в работе Е.А. Волошниковой есть минусы, обусловленные неглубоким и недостаточно аргументированным анализом исторического контекста формирования общностей Сургута. Например, ошибочна мысль автора, что Сургут прошел путь от вахтового поселка до опорного города. Или не подкреплено фактами серьезное историческое утверждение, что Сургут имел статус временного города, вследствие чего у социальных общностей создавались временные стратегии поведения. Известно, что вахтового и временного статуса у Сургута никогда не было, и поэтому этот статус никак не мог воспроизвестись в реальности – ни в застройке, ни мобильности населения. Исторический контекст общностей по большому счету строится (неважно ошибочно или верно) автором интуитивно, либо на основе анализа современных городских реалий. Однако выводы исследовательницы, затрагивающие современное социальное развитие Сургута, являются по-настоящему аргументированными и верными.

Исследования социологов представили своеобразные итоги того, к чему пришла урбанизация нефтяного края в 1960 – начале 1990-х гг. А пришла она, несмотря на различные противоречия, связанные с моноотраслевым устройством поселений, к появлению современной городской культуры и общности.

Особое место для социокультурной антропологии нефтегазового освоения Западной Сибири занимают работы философа М.Г. Ганопольского [18]. Ученый отмечал, что новое освоение региона привело к возникновению крупных поселенческих образований, отличительной чертой которых была «внеличностная основа, предшествовавшая обживанию территории», которая выступала как утопическая программа-призыв и одновременно как мощная адаптационная машина. Наблюдался особый механизм становления полиэтнических сообществ, интегрировавшихся в региональные общности индустриального типа. По мнению философа, геологи задали нефтегазоносному региону Западной Сибири первоначальный палаточный стандарт, окрашенный романтикой неустрашенности, и предопределили субординацию организационных структур – подчинили структуру расселения задачам производства. Далее эстафету подхватили строители, чья безместность собственной жизни была подчинена новоместности Великой стройки. Нефтяники и газовики последовали этому стандарту, хотя в профессиональном отношении они были ориентированы на менее мобильную организацию. Таким образом, первичной формой сцепления популяции в регионе была организационно-технологическая матрица, в основе которой была геологическая разметка территории со схемой административного подчинения ее фрагментов и динамичные индустриальные ритмы жизнедеятельности. М.Г. Ганопольский указывал на то, что в формы расселения Тюменской области с начального этапа освоения закладывалась монофакторная, а затем и корпоративно-ячеистая структура, и такая практика не была способна не то, чтобы создать общность, но даже целостную региональную популяцию. Происходила разобщенность отдельных (ведомственных) фрагментов территории. И в этих условиях общественные процессы, если и происходили, то только на уровне коллективов предприятий, но автономизация локальных коллек-

тивов препятствовала формированию региональной общности.

Итак, философ интерпретировал урбанизацию через призму производственной организационной структуры. Он указывал, что в Сибири происходило создание территориально-отраслевых управленческих структур при относительной сбалансированности тенденций ведомственности и местничества в их региональном проявлении, где на уровне конечных звеньев возникали концентрические связи. По мнению М.Г. Ганопольского, именно такая сбалансированность при общей ориентации на постоянное заселение стимулировала урбанизацию региона. На более ранних этапах индустриализации город либо планировался в самом начале, либо поселок становился городом при естественном разрастании одного или нескольких градообразующих факторов. Впоследствии – в период нового промышленного освоения – большую значимость приобретал результат компромисса между факторами. Однако, несмотря на то, что вначале этого освоения города складывались из отдельных ведомственных поселков, они, в конечном итоге, сливаясь в агломерацию, превращались в аванпосты будущей региональной общности [18, 115].

Философ указывал на связь освоения Тюменского Севера с логикой «обустройства» (понятия которое именно с конца 1960-х гг. прочно вошло в обиходный язык) – приезжая на новое место, люди начинали эту жизнь обустраивать. Речь шла не только о месте жительства, но о комплексе минимального удовлетворения социальных потребностей. Если в обжитых районах социальная инфраструктура формировалась естественно, то в районах промышленного освоения она проектировалась. В этом проектировании сталкивались два подхода. Первый был нацелен на стационарный режим жизнедеятельности и долговременное пребывание человека, а второй предполагал десантный способ освоения с использованием нетрадиционных методов труда – вахтового, экспедиционного и их комбинации. По мнению уче-

ного, эти подходы не были реализованы в чистом виде. Наиболее распространенной стала стратегия-обживания, обусловленная не трудностями обратного хода, а инерцией оседлости, необратимостью духовной ситуации, которая сформировалась усилиями первого поколения мигрантов и была усвоена и преобразована последующими. Поэтому, отмечал исследователь, многие поселки, спроектированные как вахтовые, превращались в стационарные, а затем и в города. Вместе с тем вахтово-экспедиционный метод, несмотря на серию запретов, также продолжал существовать. М.Г. Ганопольский видел в вахтово-экспедиционном методе нравственную сущность. Когда этот метод достиг своего апогея в 1980-х гг., он был уже не кочевничеством и не странничеством (и он не был обустройством), но стал новым каналом социальной коммуникации между Тюменской областью и страной, по которому циркулировала не только рабочая сила, но и обмен социальным и нравственным опытом. Это был канал взаимообмена между субкультурами различной степени мобильности. Таким образом, согласно философу, в том числе и в урбанизации проявилась организационная подоплека регионального развития, и только в период послевоенного индустриального освоения Сибири произошла кардинальная смена этоса – с производственного на региональный. Если по-своему растолковывать слова М.Г. Ганопольского, то, вероятно, автор рассматривал урбанизацию Тюменского Севера как некий канал, и в то же время средство, которое вело население к отказу от производственной и принятию региональной идентичности.

В исторической науке понимание важности антропологического подхода к проблемам нефтегазового освоения Тюменского региона приходило постепенно. Впервые те или иные социокультурные аспекты развития анализировались советскими учеными Н.М. Пашковым, В.В. Алексеевым, В.А. Ламиным. В начале 1990-х гг. в трудах Н.Ю. Гавриловой и

Е.В. Штубовой объектом исследования наметилась социальная история нефтегазового комплекса [19; 20].

В 2000-х гг. поворот к изучению социальных и культурных проблем нефтегазового региона стал весьма популярен у местных историков. Вышли новые исследования Н.Ю. Гавриловой, где особое внимание уделялось социокультурному обустройству, жилищно-гражданскому строительству и градостроительному развитию [21]. Градостроительство Сургута во второй половине XX в. также стало центральной темой в исследованиях историка А.И. Прищепы [22]. Социокультурные аспекты в контексте индустриальной нефтегазовой модернизации рассматривались в трудах тюменских историков В.П. Карпова и Г.Ю. Колевой [23; 24]. В ракурсе фактологического социального подхода изучалось развитие культурных учреждений и культурного обслуживания в ХМАО – Югре М.И. Ташлыкковой [25], образовательной сферы Д.В. Кирилюком [26], железнодорожного транспорта М.А. Авимской [27]. Для антропологии города наиболее актуальны статьи этих авторов, посвященные проблемам повседневности и культурно-бытовому обеспечению работников различных социально-экономических предприятий, в основном сконцентрированных в городской среде [28; 29].

В середине 2000-х гг. историки Сургута под руководством профессора В.А. Тена обратились к изучению эволюции этнокультурного облика и адаптации мигрантов в городской среде ХМАО – Югры [30]. Ими было проведено историко-социологическое исследование, которое показало, что этнические изменения в Югре не способны привести к кризису межэтнических отношений в регионе, а эпизодические вспышки этнической антипатии и неприязни легко устранимы в принимающем югорском социуме, чей многообразный этнокультурный облик успешно развивается под эгидой русского народа. Однако подобные исследования этничности в нефтяных городах не нашли дальнейшего продолже-

ния, в частности остаются вне поля зрения историков проблемы дрейфа этнической идентичности в исторической ретроспективе нефтегазового освоения. Исключения составляют лишь работы М.А. Авимской, посвященные периодизации этнокультурного развития региона [31].

Оригинальным является подход историка М.Ф. Ершова, который опираясь на историософский анализ попытался выявить генезис архетипичных образов городов [32]. Ученый выявил основные особенности исторической имагологии протогородов на территории Югры в фольклоре обских угров. Представляется, что такой подход весьма продуктивен и при изучении образов городских пространств в период нефтегазового развития.

Рубежным событием в историографии развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которое зафиксировало смену интересов от социально-экономической истории к антропологическим исследованиям, было проведение в 2010 г. конференции «Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера» в г. Тюмени. В рамках этой конференции вышла программная статья В.П. Карпова и Н.Ю. Гавриловой, в которой авторы обратились к исследованию микроисторического уровня социокультурного пространства нефтегазового комплекса Западной Сибири [33]. Исследователи давали высокую оценку урбанизационному развитию: масштабные процессы индустриализации и урбанизации Тюменского Севера изменили коренным образом не только все стороны общественной жизни в регионе, но и жизненный уклад населения, его повседневность и менталитет. Чертами менталитета северян были признание неудобств и лишений «спутниками героизма», «погоня за длинным рублем» и бесшабашная щедрость, жесткий индивидуализм и культ взаимопомощи. При этом социокультурная среда в нефтегазодобывающих районах создавалась как результат взаимодействия различных субкультур – традиционной культуры коренного населения и индустриальной культуры пришлого населения. Исследования истори-

ков показали, что города нефтегазового комплекса вырастали в условиях неустроенности быта и жизни [34].

Проблемы взаимоотношения и пересечения интересов человека и государства в процессе создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса стали предметом изучения в последних исследованиях В.П. Карпова [35; 36; 37]. Историк пишет о повседневном героизме масс, что только один из четырех выдерживал испытания, а остальные возвращались «на большую землю». Автор акцентирует внимание на неустроенности городов: обычной картиной Тюменского Севера в 1960 – 1980-х гг. были временки – землянки, насыпушки, палатки, балки, кунги. Практически все города и поселки, вызванные к жизни индустриализацией Тюменского Севера, начинались с вагончиков, балков и барачков. В городах нефтяников жилье, которое считалось временным, для многих новоселов оказалось постоянным. Заслуживает особого внимания гипотеза В.П. Карпова о том, что растущая алкоголизация населения нефтегазового комплекса как социальное явление была порождена неразвитостью социальной инфраструктуры городов – пьянство выступало компенсатором недостатка услуг культуры и отдыха. В целом, подводя итоги, историк оценивал сделанное на Тюменском Севере как настоящий подвиг. Один из главных тезисов историка был обращен к социальной трансформации личности в нефтяном крае: в 1950 – 1960-х гг. первопроходцы были готовы к лишениям и трудностям и лучшие это выдержали, то в 1970 – 1980-х гг. люди, именовавшиеся и чувствовавшие себя первопроходцами, стали понимать, что превратились в заложников процесса освоения. Автор подчеркивал, что изменилась не только их оценка, происшедших событий в нефтегазовом комплексе, но и во всей стране. Эта концептуальная схема изменения личности от «первопроходца» до «заложника» может выступать убедительной и образной конструкцией урбанизации нефтегазового региона Западной Сибири как движения от городов «романтиков» к го-

родам «реалистов». В 2014 г. вышла новая монография В.П. Карпова [38], в которой историк попытался сконцентрироваться на теме человека в советской макросистеме. С такой точки зрения это первая историческая работа по нефтегазодобывающим районам Западной Сибири. Однако книга подводит лишь промежуточные итоги, поскольку работа написана по большому счету в рамках социально-экономической истории, и лишь местами виден инструментарий антропологического нарратива.

Таким образом, достижения социокультурной антропологии в исследованиях городов и урбанизации ХМАО – Югры связаны в первую очередь с работами социологов и философов, которые выявили особенности современного становления региональных и городских идентичностей и общностей. Однако большинство их исследований посвящены проблемам современности и лишены ретроспективного подхода и принципа историзма. Эти лакуны могли быть заполнены историками, но, несмотря на проведение конференции в 2010 г. по историко-антропологической тематике, они продолжают преимущественно работать в русле социально-экономической парадигмы. Так, исторические исследования по проблемам повседневности, быта и культуры городов ХМАО – Югры по большому счету являются приложениями к истории материально-технического, социально-промышленного и кадрового развития нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Остались без внимания ученых-историков узловые вопросы формирования городской среды, идентичности, образа жизни, ментальности, повседневности и частной жизни, персональности и социальности, религии и духовности, а также человеческие отношения во власти и экономике и другие аспекты социокультурного развития в условиях нефтегазового освоения. Учитывая набирающую популярность и острую актуальность социокультурной антропологии в регионах, гуманитариям еще предстоит подробно реконструировать антропологию урбанизации и нефтегазового освоения Западной Сибири.

Литература

1. Малые города – большие проблемы. Социальная антропология малого города: Сборник статей. М.: ИЭА РАН, 2014. 358 с.
2. Мы здесь живем: Социальная антропология малого российского города / Отв. ред. В. А. Тишков. М.: РГГУ, 2013. 684 с.
3. Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 192 с.
4. Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 220 с.
5. Трушков В.В. Город и культура. Свердловск: Средне-Уральское книж. изд-во, 1976. 112 с.
6. Трушков В.В., Лысов С. И. Урбанизация и динамизм социалистического образа жизни // Социально-экономическое развитие народов Крайнего Севера. Тюмень: ТГУ, 1979. С. 33-50.
7. Трушков В.В. Социалистическая культура и урбанизация в их взаимосвязи // Марксистско-ленинская философия и интеграционные процессы в науке. Тюмень: Тюменский государственный университет, 1981. С. 10-22.
8. Трушков В.В. О формировании комплекса учреждений духовной культуры в среднеобском городском суперрегионе // Участие научно-технической общественности в работе по комплексному развитию главной базы страны по добыче нефти и газа в Западной Сибири. Тезисы докладов зональной научно-практической конференции. Тюмень, 1978. С. 246-248.
9. Трушков В.В. Значение города как регионообразующего фактора (социологический аспект) // Социально-экономические закономерности становления социалистического образа жизни у малых народов СССР. Тюмень: ТГУ, 1980. С. 75-85.
10. Куцев Г.Ф. Молодежь и молодые города. М.: «Молодая гвардия», 1977. 192 с.
11. Куцев Г.Ф. Новые города: (социол. очерк на материалах Сибири). М.: Мысль, 1982. 269 с.
12. Куцев Г.Ф. Человек в северном городе. Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1987. 224 с.
13. Величко Ю. В. Феномен культурной среды малых городов Западной Сибири: автореферат дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Тамбов, 2005. 23 с.
14. Лагно О.И. Роль градообразующего предприятия в управлении социальной сферой малого северного города: автореферат дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. Екатеринбург, 2004. 22 с.
15. Бадина А.А. Социальное прогнозирование перспектив развития крупного северного города: автореферат дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. Екатеринбург, 2007. 21 с.
16. Скульмовская Л.Г. Противоречия разнонаправленного развития культуры региона в современных условиях: социологический анализ: автореферат дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06. Екатеринбург, 2005. 42 с.
17. Волосникова Е.А. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010. 244 с.
18. Ганопольский М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. Тюмень: ТюмГНГУ, 1998. 160 с.
19. Гаврилова Н.Ю. Формирование и функционирование социально-бытовой инфраструктуры нефтегазового комплекса Западной Сибири (1964 – 1985 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 1991. 23 с.
20. Штубова Е.В. Формирование и развитие системы культурного обслуживания трудящихся в районах нового промышленного освоения Западной Сибири (1964 – 1985 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Свердловск, 1991. 22 с.
21. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 г.г.). Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 283 с.
22. Прищепа А. И. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века // Отечественная история. – 2007. – № 2. – С. 95-100.
23. Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990гг.). Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. 315 с.

24. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2010. 258 с.
25. Ташлыкова М.И. Развитие учреждений культуры и искусства Севера Западной Сибири (1965 – 1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Сургут, 2006. 270 с.
26. Кирилюк Д.В. Развитие общеобразовательной школы Ханты-Мансийского автономного округа (конец 1950-х – середина 1980-х гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2005. 25 с.
27. Авимская М.А. Строительство железнодорожной магистрали Тюмень – Сургут – Нижневартовск – Уренгой и его социокультурное обеспечение (сер. 1960-х – сер. 1980-х гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Сургут, 2006. 236 с.
28. Авимская М.А. Социально-бытовое обеспечение транспортных строителей на Тюменском Севере (середина 1960-х – 1980-е гг.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. С. 127-131.
29. Кирилюк Д.В. Социально-бытовые условия работы учителей Ханты-Мансийского округа в 1960 – 1970-е гг. // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: материалы Всероссийской научной конференции. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. С. 151-156.
30. Эволюция этнокультурного облика Югры в конце XX – начале XXI века (на материале сургутского региона) / под ред. В.А. Тена. Сургут: Изд-во СурГУ: ООО «Таймер», 2007. 248 с.
31. Авимская М.А. Этапы становления этнокультурного облика ХМАО-Югры // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию высшего исторического образования в ХМАО-Югре. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. С. 118-122.
32. Ершов М.Ф. Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. 276 с.
33. Карпов В.П., Гаврилова Н. Ю. От макро- к микроистории: смещение приоритетов в изучении процесса индустриализации Тюменского Севера // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: материалы Всероссийской научной конференции. Тюмень, ТюмГНГУ, 2010. С. 14-25.
34. Карпов В.П., Гаврилова Н. Ю. Повседневность Тюменского Севера в 1960 – 1980-е годы // Горные ведомости. – 2011, – № 1 (80). – С. 84-96.
35. Карпов В.П. Анатомия Тюменского подвига // Родина. – 2012. – № 8. – С. 20-23.
36. Карпов В.П. Проблемы организации досуга населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. 1960 – 1980-е гг. // Вестник Сургутского педагогического университета. – 2013. – № 4. – С. 234-239.
37. Карпов В.П. Советский человек в пространстве Тюменского нефтегазового Севера // Горные ведомости. – 2012. – № 10 (101). – С. 74-90.
38. Карпов В. П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера: монография. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. 184 с.

References

1. Malye goroda – bol'shie problemy. Social'naja antropologija malogo goroda: Sbornik statej. M.: IJeA RAN, 2014. 358 s.
2. My zdes' zhivem: Social'naja antropologija malogo rossijskogo goroda / Otv. red. V. A. Tishkov. M.: RGGU, 2013. 684 s.
3. Antropologija goroda. Vypusk 1: Kul'turnye simvoly i obrazy v gorodskom prostranstve. Jetnichnost' i gorodskaja identichnost'. Syktyvkar: Institut JaLI Komi NC UrO RAN, 2013. 192 s.
4. Gorod i selo v postsovetsoj Burjatii: social'no-antropologicheskie ocherki. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, 2009. 220 s.
5. Trushkov V.V. Gorod i kul'tura. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizh. izd-vo, 1976. 112 s.
6. Trushkov V.V., Lysov S. I. Urbanizacija i dinamizm socialisticheskogo obraza zhizni // Social'no-jekonomicheskoe razvitie narodov Krajnego Severa. Tjumen': TGU, 1979. S. 33-50.
7. Trushkov V.V. Socialisticheskaja kul'tura i urbanizacija v ih vzaimosvjazi // Marksistko-leninskaja filosofija i integracionnye processy v nauke. Tjumen': Tjumenskij gosudarstvennyj universitet, 1981. S. 10-22.
8. Trushkov V.V. O formirovanii kompleksa uchrezhdenij duhovnoj kul'tury v sredneobskom gorodskom superregione // Uchastie nauchno-tehnicheskij obshhestvennosti v rabote po kompleksnomu razvitiu glavnoj bazy strany po dobyche nefi i gaza v Zapadnoj Sibiri. Tezisy dokladov zonal'noj nauchno-prakticheskij konferencii. Tjumen', 1978. S. 246-248.
9. Trushkov V.V. Znachenie goroda kak regionoobrazujushhego faktora (sociologicheskij aspekt) // Social'no-jekonomicheskije zakonomernosti stanovlenija socialisticheskogo obraza zhizni u malyh narodov SSSR. Tjumen': TGU, 1980. S. 75-85.
10. Kucev G.F. Molodezh' i molodye goroda. M.: «Molodaja gvardija», 1977. 192 s.
11. Kucev G.F. Novye goroda: (sociol. ocherk na materialah Sibiri). M.: Mysl', 1982. 269 s.
12. Kucev G.F. Chelovek v severnom gorode. Sverdlovsk: Sred-Ural. kn. izd-vo, 1987. 224 s.
13. Velichko Ju. V. Fenomen kul'turnoj sredy malyh gorodov Zapadnoj Sibiri: avtoreferat dis. ... kand. filos. nauk: 24.00.01. Tambov, 2005. 23 s.
14. Lagno O.I. Rol' gradoobrazujushhego predpriyatija v upravlenii social'noj sferoj malogo severnogo goroda: avtoreferat dis. ... kand. soc. nauk: 22.00.08. Ekaterinburg, 2004. 22 s.
15. Badina A.A. Social'noe prognozirovanie perspektiv razvitija krupnogo severnogo goroda: avtoreferat dis. ... kand. soc. nauk: 22.00.08. Ekaterinburg, 2007. 21 s.
16. Skul'movskaja L. G. Protivorechija raznonapravlenno go razvitija kul'tury regiona v sovremennyh uslovijah: sociologicheskij analiz: avtoreferat dis. ... kand. soc. nauk: 22.00.06. Ekaterinburg, 2005. 42 s.
17. Volosnikova E.A. Severnyj gorod: zhiznedejatel'nost' social'nyh obshhnostej. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2010. 244 s.
18. Ganopol'skij M.G. Regional'nyj jetos: istoki, stanovlenie, razvitie. Tjumen': TjumGNGU, 1998. 160 s.
19. Gavrilova N. Ju. Formirovanie i funkcionirovanie social'no-bytovoj infrastruktury neftegazovogo kompleksa Zapadnoj Sibiri (1964 – 1985 gg.): avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Ekaterinburg, 1991. 23 s.
20. Shtubova E.V. Formirovanie i razvitie sistemy kul'turnogo obsluzhivanija trudjashhihsja v rajonah novogo promyshlennogo osvoenija Zapadnoj Sibiri (1964 – 1985 gg.): avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Sverdlosk, 1991. 22 s.
21. Gavrilova N. Ju. Social'noe razvitie neftegazodobyvajushhih rajonov Zapadnoj Sibiri (1964–1985 g.g.). Tjumen': TjumGNGU, 2002. 283 s.
22. Prishhepa A.I. Gradostroenie v Surgute vo vtoroj polovine XX veka // Otechestvennaja istorija. – 2007. – № 2. – S. 95-100.
23. Karpov V.P. Istorija sozdanija i razvitija Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa (1948–1990gg.). Tjumen': TjumGNGU, 2005. 315 s.
24. Koleva G. Ju. Zapadno-Sibirskij neftegazodobyvajushhij rajon: jekonomicheskoe i social'noe razvitie (1960–2000-e gg.). Tjumen': Izdatel'stvo «Vektor Buk», 2010. 258 s.

25. Tashlykova M.I. Razvitie uchrezhdenij kul'tury i iskusstva Severa Zapadnoj Sibiri (1965 – 1991 gg.): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Surgut, 2006. 270 s.
26. Kiriljuk D.V. Razvitie obshheobrazovatel'noj shkoly Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga (konec 1950-h – seredina 1980-h gg.): avtoref. ... dis. kand. ist. nauk: 07.00.02. Ekaterinburg, 2005. 25 s.
27. Avimskaja M.A. Stroitel'stvo zheleznodorozhnoj magistrali Tjumen' – Surgut – Nizhnevartovsk – Urengoj i ego sociokul'turnoe obespechenie (ser. 1960-h – ser. 1980-h gg.): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Surgut, 2006. 236 s.
28. Avimskaja M.A. Social'no-bytovoe obespechenie transportnyh stroitelej na Tjumenskom Severe (seredina 1960-h – 1980-e gg.) // Adaptacionnye mehanizmy i praktiki v tradicionnyh i transformirujushhihsja obshhestvah: opyt osvoenija Aziatskoj Rossii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2008. S. 127-131.
29. Kiriljuk D.V. Social'no-bytovye uslovija raboty uchitelej Hanty-Mansijskogo okruga v 1960 – 1970-e gg. // Chelovek v uslovijah intensivnogo neftegazovogo osvoenija Severa: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Tjumen': TjumGNGU, 2010. S. 151-156.
30. Jevoljucija jetnokul'turnogo oblika Jugry v konce XX – nachale XXI veka (na materiale surgutskogo regiona) / pod red. V.A. Tena. Surgut: Izd-vo SurGU: OOO «Tajmer», 2007. 248 s.
31. Avimskaja M.A. Jetapy stanovlenija jetnokul'turnogo oblika HMAO-Jugry // Jugra, Sibir', Rossija: politicheskie, jekonomicheskie, sociokul'turnye aspekty proshlogo i nastojashhego: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 20-letiju vysshego istoricheskogo obrazovanija v HMAO-Jugre. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2013. S. 118-122.
32. Ershov M.F. Sociokul'turnaja jevoljucija obrazov ochelovechennogo prostranstva: obshheteoreticheskie i konkretno-istoricheskie aspekty. Hanty-Mansijsk: OOO «Pечатnyj mir g. Hanty-Mansijsk», 2013. 276 s.
33. Karpov V.P., Gavrilova N. Ju. Ot makro- k mikroistorii: smeshhenie prioritetov v izuchenii processa industrializacii Tjumenskogo Severa // Chelovek v uslovijah intensivnogo neftegazovogo osvoenija Severa: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Tjumen', TjumGNGU, 2010. S. 14-25.
34. Karpov V.P., Gavrilova N. Ju. Povsednevnost' Tjumenskogo Severa v 1960 – 1980-e gody // Gornye vedomosti. – 2011. – № 1 (80). – S. 84-96.
35. Karpov V.P. Anatomija Tjumenskogo podviga // Rodina. 2012, № 8. S. 20-23.
36. Karpov V.P. Problemy organizacii dosuga naselenija v rajonah Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa. 1960 – 1980-e gg. // Vestnik Surgutskogo pedagogicheskogo universiteta. – 2013. – № 4. – S. 234-239.
37. Karpov V.P. Sovetskij chelovek v prostranstve Tjumenskogo neftegazovogo Severa // Gornye vedomosti. – 2012. – № 10 (101). – S. 74-90.
38. Karpov V.P. Anatomija podviga. Chelovek v sovetskoj modeli industrializacii Tjumenskogo Severa: monografija. Tjumen': TjumGNGU, 2014. 184 s.